

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭМИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ и ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1917–НАЧАЛО 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА). ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ

© 2019 г. Т.А. Покивайлова¹, С.М. Слоистов^{2*}

¹*Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН*

²*Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН*

*E-mail: centrum821@rambler.ru

Публикуется обзор конференции, на которой рассматривались проблемы национальной идентичности и национальной памяти в контексте миграционных процессов XX в. и истории русского зарубежья.

The essay reviews the conference, where the problems of national identity and national memory were discussed in the context of migration processes of the twentieth century and the history of Russian emigration.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, русское зарубежье, Центральная и Юго-Восточная Европа, национальная идентичность, национальная память.

Keywords: migration, emigration, Russians abroad, Central and South-Eastern Europe, national identity, national memory.

DOI: 10.31857/S0869544X0003675-5

Проведенная в апреле 2017 г. в Институте славяноведения РАН конференция «Эмиграция в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917 – начало 50-х годов XX в.). Проблемы национальной идентичности» состоялась в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной и Юго-Восточной Европе от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (руководитель проекта д-р ист. наук, проф. О.В. Хаванова). Работа над проектом продолжает серию исследований из истории русского зарубежья, выполненных в Институте славяноведения РАН: «В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (М., 2009), «Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.» (СПб., 2011) (оба под редакцией Т.А. Покивайловой), а также работы Е.П. Серапионовой, В.И. Косика, Е.П. Аксеновой и др.

Ряд докладов был посвящен теоретическим проблемам национальной идентичности и национальной памяти. В центре внимания других докладов, основанных на эмпирическом материале и выполненных на богатой документально-источниковой базе, находились проблемы расселения русских беженцев после-революционной волны в Европе и на Балканах, была представлена во всем ее многообразии картина жизни и деятельности российского зарубежья, взаимоотношений русской диаспоры с властью и коренным населением, рассматривался вклад выходцев из России в культуру стран пребывания. Особое внимание было обращено на особенности процессов адаптации эмигрантов к местным условиям, на пути сохранения ими национальной идентичности и исторической памяти.

На некоторых теоретических аспектах исследований проблем национальной идентичности европейских народов, сохранения национальной памяти и связанных с этим дефинициях сосредоточилась *М.В. Лескинен* (ИСл РАН). Она отметила, что термин «идентичность» в современном значении коллективного самоопределения или фиксации общности на основании внешних признаков появляется в социальных и гуманитарных науках сравнительно недавно – в 1960-е годы. Категория «идентичность» получает широкое распространение благодаря трудам Э. Эриксона – продолжателя теории психоанализа З. Фрейда, который выделял в «идентичности» два уровня: самоотождествление и признание идентичности извне – другим человеком или группой. С вхождением данной категории в социогуманитарное знание в 1970-е годы она существенно расширяет свое первоначальное значение и теперь используется для определения самосознания разного уровня групп и общностей (социальных, национальных, расовых, этнических, региональных, гендерных и т.п.), особенно часто – на различных исторических этапах формирования наций. При этом до сих пор существуют трудности с четкостью дефиниций, о которых пишут, в частности, Р. Брубейкер и В. Малахов, указывающие на путаницу индивидуально-психологических самоопределений и той идентификации, которая осуществляется извне претендующими на объективность исследовательскими процедурами.

Идентификация – это процесс самоотождествления индивида. И для индивидуального, и для коллективного типа идентичности характерно обязательное правило, универсальное представление о своем/чужом, о Другом. Он – всегда хуже и может быть врагом. Обобщенный и значимый Другой – важный элемент процесса идентификации любого уровня.

Современная критика неадекватности чрезмерно расширительного толкования понятия «идентичность» связана, во-первых, с «родовым» смешением разных типов осознания – индивидуального и коллективного, когда группа – коллектив – воспринимается изначально как объективно существующий социальный элемент, который обладает сознанием, волей и действием. То есть существует Тело народа, этноса, нации. Оно наделяется чертами и свойствами личности. Иначе говоря, идеально-типическая конструкция, созданная социологически, приравнивается к субъекту истории – в основе такого понимания лежит примордиалистское толкование и этноса, и нации, и социальной группы. Но общество не имеет качества субъективности, и говорить о менталитете или объединяющей идее можно лишь метафорически.

Проблема расширительного понимания термина обусловлена не только грубой ошибкой такого семантического переноса. Так, российские критики данной научной категории предлагают вернуться к прежнему понятию «самосознание» (этническое, национальное, сословное и т.п.). Однако в этом русском понятии очень важна первая часть: «само». А вот это как раз и является камнем преткновения, поскольку вплоть до середины XX в. процесс научной, социологической

идентификации этничности осуществлялся извне, без учета мнения индивида или группы – ведь этнос понимался через признаковое поле. Но трудности с самоидентификацией возникали в крестьянской, например, среде и в полиэтническом государстве. Адекватными (и объективными) признавались лишь методы внешнего определения. И хотя борьба за то, чтобы учитывать собственное самопричисление индивида, началась еще в 1870-е годы, преобладала и до сих пор преобладает все же схема внешней идентификации.

Говоря об идентичности как категории интердисциплинарного знания, М.В. Лескинен подчеркнула, что наиболее употребительными остаются термины «этническая» и «национальная» идентичности. Этническая идентичность часто используется как синоним понятия «этничность» (термин введен в 1960–1970-е годы). Этническая и национальная идентичность различаются, но применительно к современной ситуации часто (и не всегда верно) рассматриваются как нерасчлененные или синонимичные.

Сегодня явно возобладало конструктивистское понимание формирования национальной идентичности как результата сознательных усилий конкретных людей и государственных институтов (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.). Для этих ученых нация – идеологический конструкт.

Доклад *О.Б. Неменского* (ИСл РАН) «Национальная идентичность и историческая политика» был посвящен роли исторической политики в процессе создания национальных обществ, и тем проблемам, с которыми сталкиваются в связи с этим диаспоры.

Если этнос можно рассматривать как форму существования исторической памяти (см. работы Е.М. Колпакова), то нация – это уже форма ее сознательного использования, идеологизации и конструирования на ее основе особой социально-политической реальности. В случае с нацией мы имеем дело уже с сознательной работой тех или иных общественных сил («националистов» или самой власти) по форматированию исторической памяти. И здесь нет задачи «восстановления прошлого таким, каким оно было». Стоит задача создания такой конструкции прошлого, которая бы отвечала задачам построения нации. В настоящее время работа официальных властей национальных государств с памятью населения имеет открытый характер и свою развитую институциональную инфраструктуру.

В формировании исторической политики огромную роль сыграла теория Уильяма Томаса, предложенная в 1928 г. Не случайно уже вскоре был сформулирован знаменитый тезис Г. Кона о том, что «не нации создают национализмы, а национализмы создают нации». История в данном случае – набор текстов, нарратив национального прошлого, который представляет главным своим субъектом особый «народ». Создание национальной истории предшествует формированию нации, причем это правило касается в равной степени как случая этнокультурного нациогенеза, так и гражданско-политического его пути.

Победа в науке второй половины XX в. конструктивистских теорий формирования наций привела и к вполне конкретным политическим результатам – конструирование нации (не только ее создание, но и развитие) стало вполне осознанной политикой официальных властей. Из романтических подвигов общественных пассионариев XIX в. нациостроительство превратилось в рутинную государственную политику, построенную во многом на воспроизводстве тех действий, которые приводили к утверждению национального начала в эпоху «классического национализма». И одним из важнейших методов поддержания национальной целостности стала политика памяти. Работать с памятью населения – необходимая функция современного государства, так как именно эта сфера регулирует государственную идентичность его граждан. Неудивительно,

что по мере развития государственных институтов и их возможностей по влиянию на общество и эта их функция приобретает все большую роль.

Мигрантские и диаспоральные сообщества, живущие в условиях современных национальных государств, сталкиваются с особыми проблемами в сфере сохранения своего исторического самосознания, а в конечном счете и своей идентичности. Можно проводить существенное различие между теми диаспорами, история материнских народов которых не играет существенной роли в нарративе национальной истории государства проживания, и теми диаспорами, чья история для этих государств существенна. В первом случае мы можем наблюдать своего рода равнодушие и отсутствие конфликтной составляющей между государством пребывания и диаспорой, во втором случае самосознание членов диаспоры неизбежно становится объектом сильнеешего воздействия государственной информационной политики. Задача национальных властей в таком случае – изменить историческое самосознание представителей диаспоры, введя их память в общие структуры официальной национальной идентичности и исторической памяти. Не лишить их особого самосознания, но сделать их особыми участниками национальной истории.

В таком случае самосознание диаспоры со временем сильно изменяется и отрывается от тех конструктов исторической памяти, которые приняты в их материнском народе. При этом возникает неизбежное напряжение как между диаспорой и страной ее проживания, так и между диаспорой и ее исторической родиной – напряжение в сфере идеологии, трактовок прошлого и, как результат, в сфере идентичности. И нам лишь остается задаться вопросом, является ли такое состояние стадией ассимиляции, или же залогом существования в будущем, уже постнациональном, возможно, диаспоральном мире.

Б.И. Желицки (ИСЛ РАН) в докладе «Некоторые аспекты центральноевропейской идентичности» проанализировал важнейшие вопросы и варианты регионализации и региональной идентичности народов Европы, уделив особое внимание восточному региону Центральной Европы (ЦЕ), в том числе Венгрии. Чтобы рассуждать о центральноевропейской идее, а следовательно, о региональной идентичности народов, населяющих этот регион, – подчеркивал докладчик, – целесообразно определить, что мы подразумеваем под понятием «Центральная Европа». А под этим мы понимаем один из географических регионов и одновременно исторических ареалов Европы. В геополитическом отношении с середины 40-х годов прошлого века этот регион перестал существовать в качестве самостоятельного. Он исчез из словаря политиков, политологов и долгое время, поминался разве что в трудах историков. Причиной тому стали геополитические перемены, сыграло свою роль и буквальное отождествление понятия с германской концепцией «Mitteleuropa» и гитлеровской попыткой расширения имперского пространства Германии (Lebensraum). Для историков «Центральноевропейский регион», «центральноевропейская идентичность» имеют несколько иное содержание.

В историко-географическом смысле регион ЦЕ, как и соответствующая идентичность, остались, однако, реальностью и в эти десятилетия. По некоторым подсчетам, этот регион охватывает около 170 млн населения, проживающего в центре Европы, из которых порядка 52 % говорят на немецком, 35 % на славянских языках, 6 % на венгерском и столько же на прочих языках. Это промежуточная территория между Восточной и Западной Европой, ядром которой являются Германия, а также бывшие владения австрийских Габсбургов, после 1920 г. входившие в состав разных государств. У народов, населяющих эти земли, веками выработалось определенное региональное центральноевропейское сознание, региональная идентичность, с чем следует считаться и в наши дни.

И это вопреки тому, что в геополитическом смысле регион после 1945 г. перестал существовать, на время утратив свое былое значение и самостоятельность. С разделением Европы на два противоположных лагеря, восточную (социалистическую) часть Центральной Европы стали именовать почти исключительно (вместе с СССР) Восточной Европой. Со временем, в условиях размывания раздельительной черты между двумя политическими системами, интеллигенция этих стран снова заговорила о центральноевропейской идее, о своем желании «вернуться» в Европу, о возможностях возрождения регионального союза соответствующих государств, о своей центральноевропейской идентичности. Она возражала против того, чтобы граждан этих государств причисляли к восточноевропейцам. Докладчик сослался при этом на мнение чехов М. Кундеры и В. Гавела, венгров историка П. Ханака и писателя Дьердя Конрада и других, подтверждая их позиции новейшими работами англичанина Л. Паркера. Границы ЦЕ, согласно наиболее распространенному подходу, включают в себя территорию между Рейном и западными границами постсоветского пространства. Докладчик обратил внимание и на то, что Госдепартамент США с 1994 г. официально изменил название «Восточная Европа» применительно к бывшим соцстранам на «Центральную Европу». При этом он отметил, что в России регион по-прежнему чаще называют Восточной Европой.

Остановившись на конкретных обстоятельствах ренессанса центральноевропейской идеи в 1980–1990-х годах, на причинах ностальгии по ЦЕ-идентичности, докладчик отмечал важность соответствующей терминологии и учета региональной самоидентификации народов данного региона. Конкретные примеры самоидентификации, современной ЦЕ-идеи и идентичности, т.е. «центральноевропейскости» народов региона, он продемонстрировал прежде всего на примере Венгрии.

Подтверждая сохранность ряда элементов такой региональной идентичности у венгров, как и других народов, со времен Австро-Венгерской монархии, докладчик задался целью определить, строится ли сегодня такая идентичность на мифе или отражает реальность. При этом он отметил различия в подходах исследователей разных национальных школ и сослался на опыт пребывания в Евро-союзе Вишеградской четверки (Венгрия, Чехия, Словакия и Польша).

До сих пор имеет некоторое хождение тезис, в соответствии с которым центральноевропейская Венгрия стала своеобразным оборонительным щитом между славянским и германским миром. Без существования такого бастиона германский массив раздавил бы еще не успевшее окрепнуть раздробленное восточноевропейское славянство. Именно в этом можно видеть призвание, роль и функцию некогда могущественного венгерского государства. Неоспоримо и то, что венгры, придя из азиатских глубин, но приобшившись к христианству на рубеже I и II тысячелетий, сформировали свою европейскую идентичность и приверженность соответствующим цивилизационным, культурным и ментальным ценностям, выражая и подтверждая их в веках, отстаивая христианские, характерные для европейского сознания принципы и ценности, так называемую европейскую парадигму.

Видение жителями ЦЕ своей региональной идентичности венгерский философ И. Витани выразил словами: «Мы во всех отношениях находимся где-то посередине. Посередине между Западом и Востоком, Севером и Югом [...] имея множество отличительных черт как от Западной, так и от Восточной Европы». Существенно то, что срединное расположение в Европе имеет, разумеется, как свои плюсы, так и минусы. Оно может быть и разделяющим, и объединяющим фактором в Европе между Востоком и Западом.

Другой блок докладов был посвящен исследованию конкретных вопросов, связанных с положением русской эмиграции на протяжении довольно длительного исторического периода — с 1917 по начало 1950-х годов XX в.

Доклад *Т.М. Симоновой* (Москва) был посвящен проблеме культурно-языковой идентичности русской эмиграции первой волны в Польше. Она исходила из того, что в современном понимании национальная идентичность утверждается через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственный язык, культурное и масс-медийное производство и др. Несущая конструкция национальной идентичности — государство, при его отсутствии предпринимаются чрезвычайные усилия по *самоорганизации в различных формах* с целью сохранения признаков прошлого национально-культурного единства в условиях явного противодействия этому стремлению. Проблема сохранения национальной идентичности русских эмигрантов первой волны в Польше тесно смыкается с проблемой отстаивания этническим меньшинством своих национальных прав.

Массив русскоязычной среды в Польше составили как русские, жившие на этих землях еще до революции, так и беженцы и эмигранты первой волны. В современной польской историографии проявляется стремление разобщить эти группы. Причем в исследованиях последних лет (А. Миронович и др.) русское национальное меньшинство отнесено к малочисленным национальным группам, в отношении которых не было необходимости в мерах государственного регулирования.

Закон о польском гражданстве (20 января 1920 г.) нарушил международные нормы («малый Версальский трактат») введением понятия «индигенат», заимствованного из французского колониального права. На государственном уровне отстаивался тезис о том, что «русских в Польше нет», а значит они не могут иметь собственные школы, как это было, например, в Эстонии. Церковно-приходские русские школы в ряде епархий к лету 1921 г. были закрыты по решению польского правительства, а сохранившиеся лишены государственных субсидий. Этот вопрос имел ключевое значение, поскольку русская школа выполняла важнейшую функцию сохранения национально-культурной идентичности, а также православной религиозной традиции для почти 6 млн православных (не только этнических русских) и некоторой части инородческого (главным образом еврейского) меньшинства, считавшего именно русскую школу «своей» и оказывавшего ей помощь, «давая понемногу, но регулярно». Но с 1923 г. государство запрещает принимать еврейских детей в русские школы.

С 1922 г. высшее образование на русском языке в Польше отсутствовало, среднее представляла Виленская Духовная семинария; гимназии: две мужские, шесть женских, 16 совместного обучения, три реальных и два коммерческих училища; девять семилеток («высшие начальные училища»); пять 2-классных начальных училищ; одно подготовительное приходское училище, Кременецкое духовное училище; три приюта. В связи с ужесточением миграционной политики к осени 1923 г. число русских школ сократилось на 35%, в восточных воеводствах полностью исчезли народные русские школы, обучение в церковно-приходских было переведено на польский язык. В 1924 г. перестали существовать школы Земгора; число частных средних школ сократилось в четыре раза; русские государственные школы в Польше перестали существовать. При этом в Польше насчитывалось до 100 тыс. русских школьников, для полноценного обучения которых требовалось 1500–2000 начальных школ и 100–150 средних.

В начале февраля 1925 г. был открыт православный Богословский факультет в Варшавском университете. Вопрос о зачислении русских студентов в вузы был

решен лишь при поддержке влиятельного юриста и социолога Л.И. Петражицкого, в прошлом депутата Российской государственной думы. При этом «Русская Академическая группа», связанная с Богословским факультетом, была обвинена в подготовке «православной молодежи, настроенной враждебно по отношению к Польше». Суд оправдал ее, но не легализовал дипломы. Таким образом, сохранение русской национальной идентичности в условиях формирования единой «польской нации» было затруднено или невозможно, так как основные институты поддержания национального своеобразия (школы и образование всех уровней, библиотеки и печать на родных языках) активно устранялись или ограничивались в своей деятельности; их формирующее влияние ослабевало или исчезало вовсе.

В сообщении *Ф. Чоки* (Венгрия) на основе тщательного изучения переписей населения и особенно документов полиции была рассмотрена динамика численности русского (и — шире — эмигрировавшего из России) населения в межвоенной Венгрии. Было уделено также внимание анализу принятого в стране законодательства, связанного с приемом русских беженцев, обеспечением их прав. Материалы его сообщения предполагается опубликовать в качестве самостоятельного исследования.

В.И. Косик (Исл РАН) в своем сообщении «Быт русской эмиграции на Балканах» постарался обрисовать ряд картин быта и бытия русской эмиграции на Балканах. Красной нитью в представленных сюжетах проходит тема ее обустройства в Болгарии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев, с акцентированием жизни их «новых жителей» в Белграде и в Софии. Отчетливо и ярко, вплоть до привлечения стихотворных строк об эмигрантском житье-бытье, обрисованы картины приема изгнанников из России с их последующей адаптацией к новым условиям. В сообщении неоднократно подчеркивалось, что «новые жители» стремились сохранить свою «русскость» в быту, что проявлялось в стиле жизни, в попытках воссоздать «Москву» или «Петербург» в Белграде и Софии. Здесь и открытие множества «питательных заведений» с привычными русскому сердцу и душе едой и напитками, и учеба русских детей по традиционным программам русских дореволюционных школ, и «открытие» детям русской литературы, ее сокровищ, позволяющих гордиться, любить и не забывать Родину. Все было свое — вплоть до русской тоски. В сообщении не была обойдена вниманием и тема сохранения «своего» и «себя» через организацию самых разнообразных кружков, обществ, союзов, позволяющих не только «питаться» памятью о России, но и продолжать ощущать себя ее сынами и дочерьми. Была обрисована роль в сфере сбережения национальной идентичности русского театра и пьес, позволяющих не прерывать «нить времен». В целом, «национальное» брало верх над «политическим»: «ни белые, ни красные, а русские».

В сообщении *А. Животица* (Сербия) «Советско-югославский конфликт и положение русской эмиграции в Югославии (1948–1953 гг.)» на основе источников советского и югославского происхождения исследуется жизнь русских эмигрантов в первое десятилетие после Второй мировой войны — их приспособление к новой, социалистической системе отношений, создание новых общественных организаций, восстановление связей с Родиной, гонения после начала конфликта 1948 г. и прекращение существования русской эмиграции как организованной группы.

Война стала поворотным моментом в истории русской эмиграции в Югославии. Из 27 тыс. довоенных эмигрантов, многие из которых участвовали в боевых действиях на стороне оккупационных сил, в стране к 1945 г. оставалось всего около 10 тыс. человек. Выкованная в войне советско-югославская дружба означала улучшение их положения и даже прощение «военных грехов». Решением

Верховного Совета СССР многим эмигрантам было предоставлено право на советское гражданство и разрешено возвращение домой. Значительная их часть воспользовалась этим предложением. Те же, кто решил остаться на своей новой родине, уже очень скоро, после начала конфликта 1948 г. между Сталиным и Тито, подверглись судам и репрессиям и вновь оказались перед выбором – остаться, чтобы утратить свою национальную идентичность и окончательно ассимилироваться в Югославии, особенно в сербской среде, или же вернуться в Советский Союз, что само по себе означало путь в неизвестность, от которой их родители бежали тремя десятилетиями ранее. Так или иначе, за недолгие десять лет, прошедшие после начала войны, организованная, сплоченная, имевшая свои традиции и ритуалы русская эмиграция на территории Югославии прекратила свое существование как особая этно-социальная общность.

В докладе *Е.П. Серапионовой* (ИСЛ РАН) «В поисках коммунистического рая: чешские и словацкие коммунисты в СССР» рассматривался, в частности, опыт организации экономической эмиграции в СССР в 1920–1930-е годы. Были проанализированы причины эмиграции чехов и словаков, социальный и профессиональный состав переселенцев, их политические взгляды, описаны условия проживания и работы на местах, куда отправлялись чешские и словацкие коммуны. Большое внимание в докладе было уделено коммунистической пропаганде, сопровождавшей переезд в страну Советов, и несоответствию надежд эмигрантов существовавшим реалиям. Доклад подготовлен на основе архивных материалов, выявленных автором в различных фондах ГА РФ.

В докладе *А.А. Павлова* (г. Тверь) на основе уже опубликованной литературы были рассмотрены сложные и многоплановые процессы инкультурации и адаптации детей в русской эмигрантской среде в Чехословакии в 1920–1930-е годы. Докладчиком была предпринята попытка оценить роль русских начальных и средних школ в Чехословакии в процессе приобщения детей эмигрантов к новой культурной среде. В силу обстоятельств в 1920-е годы в Чехословакии оказалось определенное количество подростков, лишившихся родителей в годы войн и революций, тяжелым было и экономическое положение многих эмигрантов. Российская семья (как фактор воспитания подрастающего поколения) в условиях изгнания оказалась в кризисе, и тем большая нагрузка выпадала на школу. Перед российской эмиграцией встала насущная задача организовать особый формат русской школы в Чехословакии – учебные заведения интернатного типа. Что касается русских гимназий, образованных в Праге, Моравской Тржебове, а потом и в других городах, то перед ними была поставлена задача «привить детям и сохранить у них любовь ко всему родному – русскому, научить их понимать красоту родного языка, родного искусства, понять и оценить родную историю».

Созданная в Чехословакии система русских учебных заведений учитывала опыт как дореволюционной русской школы, так и школы мировой, но национальным ядром оставалась «Россика». Русскому языку отводилась совершенно особая роль – он оставался тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе связь с многовековой традицией русской культуры, но и решающим образом влиял на самосознание граждан. Сохранению культуры способствовали также православные приходы, ставшие центрами духовного общения и религиозного воспитания и теснейшим образом связанные со школьными организациями.

Процесс получения национального образования был, безусловно, неотделим от процессов социализации личности ребенка. Изначально задуманный в кругах эмигрантской интеллигенции путь автономного развития русской школы в интересах сохранения у детей национальной идентичности был объективно неосуществим, по крайней мере в отдаленной перспективе, хотя и педагоги, и дети стремились «сохранить» в себе родину.

Уже к середине 1930-х годов надежда на возвращение в Россию в среде эмигрантской общественности утратила свою силу и верх взяли идеи постепенной аккультурации в чехословацкое культурно-языковое пространство. Соответственно в школьных программах русских учебных заведений был расширен «местный», чехословацкий компонент.

Процесс обучения не ограничивался школьной программой. Между русскими эмигрантскими и местными чехословацкими школами была выстроена целая сеть совместных инициатив (спортивные соревнования по образцу тех, что проводили популярные в чешских землях, связанные многими узами с патристическим воспитанием чехов сокольские организации; практика приема русских детей в чешские семьи на лето). Все эти меры способствовали преодолению или смягчению того «культурного шока» и связанного с ним психологического напряжения, которые испытали на чужбине дети русских эмигрантов. Специфика чехословацкого опыта заключалась в том, что в этой стране удалось создать почву для существования микросоциума, в котором продолжалось приобщение русских детей к своей национальной духовной культуре. При этом не произошло полной изоляции русской диаспоры, стала возможна адаптация подрастающих поколений к чехословацкому «миру», их достаточно безболезненная аккультурация и социализация. Русская эмигрантская школа явилась инструментом вхождения новых генераций в иное социокультурное пространство при сохранении национальной идентичности.

С.М. Слоистов (ИСЛ РАН) озаглавил свой доклад «Биография И.Э. Грабаря: сложности реконструкции идентичности художника». Идентичность художника всегда сложное явление, особенно если его жизненный и творческий путь был связан с разными национальными культурами, различными регионами. Одним из таких интересных примеров может служить идентичность выдающегося художника и искусствоведа Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960), родители которого, как писал он сам в своих воспоминаниях, были «родом из Угорской Руси, обширной области, лежащей в Карпатских горах и входившей в состав Австро-Венгрии».

Понятно, что Грабарь за свои заслуги и по праву происхождения высоко оценен на Украине. Так, «Энциклопедия истории Украины», посвятив ему отдельную статью, согласно принятому среди украинских ученых подходу к проблеме карпатских русинов, отмечает, что Грабарь родился в семье закарпатских украинцев. Отдельная статья посвящена Грабарю и в «Энциклопедии истории и культуры карпатских русинов» под общей редакцией Павло Роберта Магочи. Однако, как уточняется в предисловии, статья о нем включена в данное издание только потому, что он имел карпато-русинское происхождение и был широко известен среди русинских деятелей, хотя и не внес «вклада в карпато-русинскую историю и культуру».

Описанные в докладе на основе опубликованных и архивных источников связи Грабаря со своей малой родиной ставят под вопрос подобные столь однозначные формулировки. Предложенная реконструкция его идентичности позволяет говорить о Грабаре прежде всего как о русском художнике. Принадлежность к культуре карпатских русинов являлась важной составляющей в ее сложной структуре. Грабарь продолжал работать на русинскую культуру, не покидая родного для себя культурного пространства, поскольку оставался в пространстве общерусском.

Раскрытая в докладе проблематика еще раз свидетельствует о важности изучения связей карпатских русинов с Россией для более глубокого понимания истории их культуры.

Основное внимание в сообщении *Т.А. Покивайловой* (ИСЛ РАН) «Проблемы российской эмиграции в Румынии (1917–1940 гг.)» было уделено анализу некоторых малоизученных вопросов, касающихся положения русской диаспоры на

территории Румынии и вошедшей в ее состав в 1918 г. Бессарабии. Как отметила докладчица, присоединение Бессарабии к Румынии вызвало напряжение не только в советско-румынских отношениях, но и в отношениях румынских властей и русской эмиграции, значительная часть которой, особенно военные, явно не поддержала присоединения Бессарабии к Румынии. Кроме того, Румыния была государством, граничившим с пространством бывшей Российской империи, и этим объяснялся огромный поток беженцев, хлынувших на ее территорию, который румынские власти пытались сдерживать в отличие от правительств Турции, балканских стран (в частности Югославии, Болгарии), а также некоторых стран Центральной Европы – речь идет прежде всего о Чехословакии, оказывавшей, особенно в 1920-е годы, большую реальную помощь русским эмигрантам. Трудности, с которыми столкнулись выходцы из России в получении румынского гражданства, зачастую враждебная политика румынского правительства по отношению к ним, проблемы, связанные с адаптацией – все это привело к тому, что Румыния, по сути, превратилась в транзит, которым воспользовались эмигранты для перемещения в страны Западной Европы, и к началу 40-х годов XX в. их численность в самой стране значительно сократилась и они не играли уже сколько-нибудь значительной роли в ее общественной жизни.

В сообщении *А.Н. Канарской* (Исл РАН) «Положение политической эмиграции в СССР (1939–1940 гг.)» говорилось о том, что наступление фашизма в Европе, гражданская война в Испании и начавшаяся Вторая мировая война, а также изменения во внешней политике советского государства поставили перед коммунистами проблему выбора – остаться в своих странах, продолжив антифашистскую борьбу, либо эмигрировать в Советский Союз, выразив солидарность с новой внешнеполитической линией Москвы, избранной в августе 1939 г. Тысячи партийных активистов, многие из которых знали о сталинских репрессиях, тем не менее, стремились попасть в СССР. Все это вызвало последнюю массовую волну политэмиграции. Что касается советской стороны, то она применяла в отношении эмигрантов селективную политику. Анализ документов российских архивов, проведенный, Канарской, позволил ей раскрыть трудности, с которыми столкнулась основная масса политэмигрантов. Советская повседневность оказалась гораздо более жесткой, чем многие из них ее себе представляли.

М.Ю. Дронов (Исл РАН) выступил с докладом «Русская эмиграция и русины в межвоенный период», посвященным взаимодействию послеоктябрьской русской эмиграции с карпатскими русинами. Подобные контакты отмечались как в Европе (в первую очередь в Чехословакии, КСХС/Югославии, Польше), так и в Новом свете. Докладчик сосредоточился на ситуации в межвоенной Чехословакии – в Подкарпатской Руси и на «Пряшевщине» (в Восточной Словакии), и в меньшей степени в других частях республики. На чужбине русины, как восточные славяне, априори воспринимались российскими эмигрантами как люди более близкие русскому миру, чем остальные, даже славянские, народы. В контексте темы своих исследований М.Ю. Дронов условно разделил всех русских в Чехословакии на три группы: 1) принимавшие участие в русинской общественно-культурной жизни; 2) соприкасавшиеся с русинами; 3) слышавшие о русинах. В качестве иллюстраций докладчик представил ряд биографий русских эмигрантов, оставивших свой след в истории карпатских русинов. В целом, контакты между эмигрантами и русинами носили двоякий характер. С одной стороны, имело место взаимное притяжение. Среди русинов еще были распространены идеи общерусского (общевосточнославянского) национально-языкового единства, а многим эмигрантам импонировала мысль о том, что Подкарпатская Русь – это самый западный, свободный от большевизма уголок русской

земли. С другой стороны, встречалось и взаимное отторжение, так как несмотря на близость этнонимов, карпатские русины и выходцы из России далеко не всегда находили друг в друге «своих людей».

Выступление *А.Б. Едемского* (ИСл РАН) «Судьба В. Влаховича, на материалах РГАСПИ» было посвящено обзору документов, раскрывающих деятельность видного деятеля югославской компартии Велимира Влаховича в СССР в 1939–1945 гг. Используемые им личные дела/досье, хранящиеся в РГАСПИ в фонде Коминтерна, позволили докладчику дополнить материалы личного фонда В. Влаховича в Архиве Югославии (Белград) и скорректировать некоторые неточности, присутствующие в новейшей литературе, в том числе в относящемся к периоду 1917–1945 гг. томе фундаментального собрания документов «Москва–Белград. Россия – Сербия» (2017).

По мнению исследователя, о многих членах компартий, входивших в Коминтерн, лишь с определенными оговорками можно говорить как об эмигрантах, но в отношении В. Влаховича дефиниция «политэмигрант» вполне применима с того момента, как он оказался в Праге, спасаясь от преследований карательных органов королевской Югославии. После его кратковременного (несколько недель в начале 1937 г.) участия в боевых действиях в Испании, полученного ранения и сравнительно успешной операции, Влахович был сотрудником Отдела кадров базы Интернациональных бригад в испанском городе Альбацете, затем находился во Франции. Весной 1939 г. Влахович появился в Москве «как испанский боец-инвалид», которого Вальтер (Тито), руководитель КПЮ, предлагал «после лечения и отдыха использовать на временной работе в КИМ» (Коммунистическом интернационале молодежи). С начала октября 1939 г. В. Влахович работал в штате аппарата Исполкома КИМ под именем С.П. Власова. С 1 сентября 1941 г. Власов/Влахович был зачислен в секретное учреждение, так называемый НИИ № 205 на должность «отв. редактора югославской редакции», предварительно подписав «Правила конспирации в Институте № 205». Публичная часть деятельности В. Влаховича в 1941–1944 гг. была связана с его участием в мероприятиях Всеславянского комитета в Москве.

По утверждению докладчика, последние месяцы пребывания в СССР Влахович де-факто выполнял функции представителя Компартии Югославии в Москве. Но об официальном признании его таковым можно говорить только, скорее всего, после тайного визита Тито в Москву в сентябре 1944 г. В это время Влахович занялся отправкой на родину находившихся в СССР югославов-эмигрантов. Работать в НИИ он официально закончил 6 апреля 1945 г., когда приказом директора института Б. Геминдера (деятеля компартии Чехословакии, ставшего в 1952 г. одной из жертв фальсифицированного судебного процесса по делу Сланского) был «отчислен в связи с переходом на другую работу». Несомненно, что выезд Влаховича в Югославию состоялся в ближайшие недели после этого. Указ ВС СССР о награждении Влаховича Орденом Ленина вышел 27 июня 1945 г. (уже в его отсутствие) с формулировкой «за успешное выполнение заданий правительства в период Великой Отечественной войны». Награда была вручена ему в первую годовщину освобождения Белграда от немецких оккупантов.

В Югославии с июня 1945 г. Влахович числился в кадровой службе (Отделе кадров) ЦК КПЮ. В состав высшего югославского руководства он был введен уже после удаления из него М. Джиласа (январь 1954 г.). По мнению *А.Б. Едемского*, документы личного дела Влаховича, прежде всего его анкеты и характеристики, могут быть рассмотрены как частный случай при изучении более широкой проблемы – мутации идентичности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Согласно документам личного дела, эволюция Влаховича

в направлении идентификации его именно как черногорца определенно просматривается.

Н.С. Пилько (ИСл РАН) в докладе «Граждане Советского Союза в словенских партизанских отрядах (1941–1945 гг.)» обратила внимание на участие в Народно-освободительной армии Югославии советских военнопленных, а также лиц (чаще всего очень молодых людей), угнанных или переместившихся на Запад с оккупированных территорий СССР. Первая партизанская рота из граждан Советского Союза была сформирована в октябре 1943 г. и входила в состав международного батальона 18-й Словенской народно-освободительной бригады, удачно действовавшей в районе севернее Триеста. В марте 1944 г. командование бригады решило провести реорганизацию международного батальона по национальному признаку для облегчения командования отрядами, возглавить которые должны были командиры соответствующих национальностей. Следует отметить, что в словенских партизанских отрядах служили англичане, французы и австрийцы. Командиром созданного второго батальона, который именовался еще и русским, был избран Анатолий Дьяченко. Под его командованием батальон сумел отличиться в боях за Нижнюю Идрию.

В декабре 1943 г. Советское правительство приняло решение направить в Югославию военную миссию. На словенских землях военная миссия была открыта в апреле 1944 г. Ей предстояло среди прочего выяснить, сколько советских граждан служило в рядах словенской партизанской армии, и каким образом они там оказались. Как бы то ни было, второй (русский) батальон продолжал и далее свое участие в военных операциях. Зимой 1944 г. была проведена реорганизация батальона. Солдатам была выдана новая английская форма. После проведения смотра, на котором присутствовал представитель Советской военной миссии, 26 рядовых и офицеров батальона были награждены за заслуги. Свой боевой путь батальон закончил 5 мая 1945 г. после тяжелых боев в районе Кобарид на Соче. За время участия в боевых действиях 175 человек погибли, 39 пропали без вести, 287 были ранены. Штаб 30-й дивизии отдал распоряжение, согласно которому все бойцы Второго батальона должны были вместе со своим командиром Дьяченко переправиться в Шемпас, а затем в Советский Союз. Их дальнейшая судьба должна стать предметом самостоятельного исследования. В целом на территории Югославии в рядах Народно-освободительной армии сражалось свыше 6 тыс. советских граждан, из них около 2 тыс. находились в Словении.

В докладе *А.В. Карасева* (ИСл РАН) речь шла о миграционных процессах в югославской Воеводине в 1940–1950-х годах. В силу особенностей исторического развития эта территория, ранее входившая в состав Габсбургской монархии, имела очень пестрый в этническом отношении состав населения. Не случайно в период существования социалистической Югославии ее называли «Югославией в миниатюре». Как известно, спасаясь от османских репрессий, сербское население бежало в эти края, находившиеся под властью Вены. По переписи, проведенной в 1910 г., в эпоху австро-венгерского дуализма, венгерскими властями, 34 % населения составляли сербы, 28 % – венгры, 21,5 % – немцы, 5 % – румыны, 2,3 % – хорваты, в малых количествах были представлены также словаки и русины. Евреи, в большинстве своем мадьяризованные и указывавшие венгерский язык как родной, числились в качестве венгров (при сохранении приверженности иудаизму). Согласно переписи 1921 г., примерно те же пропорции сохранялись и после вхождения Воеводины с распадом Австро-Венгрии в Королевство сербов, хорватов и словенцев с сербской династией Карагеоргиевичей во главе. Таким образом, несмотря на острую военную конфронтацию Сербии и Австро-Венгрии, этнический состав населения края резких изменений не претерпел.

Ситуация резко изменилась в конце Второй мировой войны и после ее окончания. Как известно, оккупационные войска нацистской Германии и ее союзников пытались жестоко подавить антифашистское сопротивление. В начале 1942 г. венгерская жандармерия расстреляла в городе Нови Сад (Административный центр Воеводины) 4000 гражданского населения (сербов, евреев и цыган) по подозрению в поддержке партизанского движения. Часть немецкого населения Воеводины покинуло область вместе с отступавшими немецкими и венгерскими войсками. Но значительное количество немцев осталось. Овладевшее к концу войны всей полнотой власти в стране коммунистическое руководство во главе с маршалом Тито, возглавлявшим партизанское движение, предприняло репрессии против немецкого (в том числе мирного) населения, в 1945 г. В Воеводине было заключено в концентрационные лагеря 96 769 немцев, из них 24 403 ребенка, 19 953 лиц старше 65 лет, 54 413 лиц трудоспособного возраста. Большое количество немецких детей осталось без попечения родителей, многие из которых бежали из Югославии или погибли в ходе боевых действий. Правительство ФНРЮ первоначально предполагало перевоспитать немецких детей в духе новой, коммунистической Югославии. С этой целью детей из концентрационных лагерей перевели в детские дома как в Воеводине, так и в других районах Югославии. Но перевоспитание оказалось очень трудным и по сути неосуществимым делом, прежде всего из-за языкового барьера, нехватки воспитателей со знанием немецкого языка и желанием детей вернуться к своим родственникам. Эта неудачная попытка югославских властей вырвать немецких детей из семейного круга и воспитать их в детских домах как граждан новой Югославии успеха, таким образом, не возымела и принесла детям немало страданий.

В 1948 г. концентрационные лагеря для немцев в Воеводине были ликвидированы. Немцы были лишены своего имущества и гражданских прав, но оставались гражданами ФНРЮ. Многие немцы пытались найти своих детей и детей своих родственников и оформить опеку над ними. Постепенно власти шли на уступки в этом вопросе, а с 1952 г. немцев из Воеводины стали рассматривать как граждан ФРГ и разрешили им отъезд в Германию. Фактически речь шла о лишении их гражданства и насильственной массовой депортации, вследствие осуществления которой немцев в Югославии практически не осталось. При этом выезжавшим лицам разрешалось оформлять опеку над немецкими детьми из детских домов и вывозить их с собой из страны.

Одновременно была развернута акция по переселению сербов и черногорцев из отсталых районов Югославии в Воеводину. В результате всех этих действий титовского правительства в 1953 г. этнический состав населения Воеводины приобрел следующий вид: сербы – 865 тыс. чел. (51 %); венгры – 435 тыс. чел. (25,6 %); немцы – не зарегистрировано (!); хорваты – 127 тыс. чел. (7,5 %); словаки – 71 тыс. чел. (4,2 %); румыны – 57 тыс. чел. (3,4 %); черногорцы – 30,5 тыс. чел. (1,8 %); русины – 23 тыс. чел. (1,4 %).

В докладе *Н.Н. Станкова* (ИСл РАН) «Епископ Сергей (Королев) в воспоминаниях российских эмигрантов в Чехословакии» показана роль Русской Православной Церкви в сохранении национальной идентичности российской эмиграции первой волны в Чехословацкой республике. Основываясь на анализе воспоминаний российских эмигрантов в Чехословакии, докладчик рассмотрел пастырскую и церковно-общественную деятельность епископа (с 1946 г. архиепископа) Сергея (Королева) в Праге в 1922–1946 гг., который был назначен сначала настоятелем русского прихода храма святителя Николая Чудотворца в Праге, а впоследствии – викарием в Чехословакии, Австрии и Венгрии.

В докладе особо была отмечена способность владыки Сергия объединять и сплачивать вокруг себя самые разные слои российской эмиграции, независимо от происхождения, социального положения, партийной принадлежности. Ни церковная, ни тем более светская политика не интересовали епископа Сергия. Он стоял выше любых искусственных разделений. Для владыки важнее было видеть человека, а не его политические убеждения. Ему удалось воспитать в своей пастве большое единодушие и взаимное благожелательство.

Благодаря деятельности епископа Сергия, Свято-Никольская церковь, а затем и Успенский храм на Ольшанском кладбище стали духовными центрами русской колонии в Праге. Его ближайшими сподвижниками были архимандрит Исаакий (Виноградов), священник Михаил Васнецов (сын художника Виктора Васнецова), председатель Русской академической группы, основатель и декан Русского юридического института в Праге П.И. Новгородцев, знаменитый исследователь древнерусского и византийского церковного искусства профессор Н.П. Кондаков и многие другие. Кроме Праги в ведении епископа Сергия были православные общины в Брно и Братиславе, ему также было поручено наблюдение за русскими храмами в Карловых Варах, Марианских и Франтишковых Лазнях. Владыка Сергий воспитывал в своей пастве любовь к русской церковности, традициям, истории, литературе. Он призывал русскую эмиграцию быть хранительницей того лучшего, что каждый получил от своей Родины, не отрекаться от православных ценностей и своей культуры.

В докладе *Каори Кимура* (Япония) «Политэмигранты-информбюровцы в Венгрии в 1949–1954 гг.: их взаимоотношения с венгерской властью и роль в антититовской кампании в Венгрии» отметила, что конфликт между Сталиным и Тито стал достоянием миллионов людей 30 июня 1948 г., когда в газетах была опубликована Резолюция Второго совещания Коминформа. Все лидеры стран «народной демократии» однозначно одобрили эту резолюцию и развернули мощную антиюгославскую медиа-кампанию: в газетах и журналах каждый день печатались статьи с резкой критикой компартии Югославии, не подчинившейся сталинскому диктату. И среди части членов Югославской компартии проявилась поддержка линии Коминформа. Те, кто находился за пределами страны, могли это делать открыто. Однако сторонники линии Коминформа в самой Югославии (часто искренне верившие, что Сталин выйдет победителем в этом споре и сумеет сменить руководство КПЮ) в условиях реально начавшихся преследований были вынуждены бежать в соседние страны – Румынию, Болгарию, Албанию и Венгрию. Из этих людей комплектовались эмигрантские организации, использовавшиеся в антититовской деятельности Коминформа. В начале апреля 1949 г. по решению политбюро ЦК ВКП(б) при редакции газеты «За социалистическую Югославию» была создана московская группа югославских политэмигрантов-информбюровцев. Эта группа с самого начала заняла руководящее положение в югославской политэмиграции в масштабе не только СССР, но всего формирующегося советского блока, и начала активно проводить антититовскую кампанию.

Что касается соседней Венгрии, то, согласно документам Венгерского Национального Архива, из 148 югославов, которые в течение 1948–1949 гг. перешли югославо-венгерскую границу, только 75 человек (примерно половина, в том числе 68 мужчин и 7 женщин) получили статус политэмигрантов, другие такого статуса не получили и часть из них была арестована по подозрению в причастности к титовской агентуре.

8 июня 1949 г. при поддержке московской группы югославских политэмигрантов и ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ) в Будапеште было создано

собрание, на котором избрано руководство местной политэмиграции, сразу приступившее к активной деятельности. Его основной задачей стало осуществление коминформовской пропаганды на Югославию через радиовещание и прессу на сербохорватском и словенском языках. Было налажено сотрудничество с политэмигрантскими группами в других странах «народной демократии» и их прессой. С течением времени это руководство постепенно поставило под свое влияние Демократический Союз Южных Славян Венгрии (ДСЮСВ), созданный в 1947 г. и проводивший большую культурно-просветительскую работу в среде югославянских национальных меньшинств Венгрии. Эта организация также была превращена в один из инструментов антититовской политической пропаганды.

Деятельность югославских политэмигрантов в Венгрии, как и в других странах, продолжалась до осени 1954 г., до изменения политической линии Москвы в отношении Югославии. 23 сентября 1954 г. лидер ВПТ М. Ракоши получил сообщение из Москвы о прекращении деятельности на территории СССР югославских информбюровских политэмигрантов и выпуска их газеты. Этот факт был принят к сведению. На заседании Политбюро ВПТ от 14 октября 1954 г. было решено прекратить на территории Венгрии распространение брошюр, книг, карикатур антиюгославского содержания, издание газет, рассчитанных на переправку в Югославию в целях антититовской пропаганды. Деятельность коминформовской политэмиграции в Венгрии фактически прекратилась.

В сообщении *А.С. Стыкалина* (Исл РАН) говорилось о том, что начавшийся вследствие венгерской революции в октябре 1956 г. и особенно ее подавления советскими войсками массовый поток беженцев, начиная с 4 ноября, был направлен в сторону Австрии, куда бежали около 180 тыс. человек. С закрытием западной границы он постепенно переместился к концу года в сторону титовской Югославии, где оказалось около 20 тыс. беженцев.

Участники конференции констатировали несомненную востребованность российским обществом конкретно-исторических знаний, касающихся осмысления вклада русских диаспор, организаций и отдельных граждан в сохранение исторической памяти и национальной идентичности, что позволяет шире взглянуть на современные процессы, происходящие в русских диаспорах за рубежом, и на формирование взаимоотношений современной России с соотечественниками, разбросанными по всему миру.